ДА БУДЕТЪ ВОЛЯ ТВОЯ БОЖЕ!

повѣсть.

написавъ

Георгій Яковычъ Цукорнинъ.

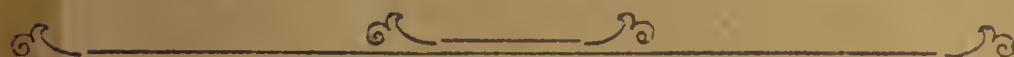
КОЛОМЫЯ 1911.
Черенками и накладомъ М. Бѣлоуса.

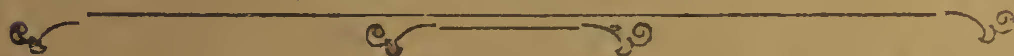
Да будетъ воля :: Твоя Боже! ::

ПОВѢСТЬ.

НАПИСАВЪ
Георгій Яковычъ Цукорникъ.

КОЛОМЫЯ, 1911.
Черенками и накладомъ печатнѣ Михаила Бѣлоуса.

Да будетъ воля Твоя Боже!

(Повѣсть).

Господи услиши молитву мою
и вопль мой къ Тебѣ да прійдетъ.
Не отврати лица Твоего отъ мене,
въ онже аще день скорблю, при-
клони ко мнѣ ухо Твое.

(Псаломъ Дав. 101).

I. Сполненый сонъ.

На небосклонѣ почало зорѣти. Густая мрака почала спадати на землю, щобы збудити зô сну всю зелень и щобы умити заспаныи оченята гожимъ рожамъ и цвѣточкамъ, птицѣ встаючи почали тоже первыи Всевышнему Сотворителю своимъ чародѣйнымъ спѣвомъ складати подяку, изъ за корча всталъ молодый заяцъ, мыючи лапками свои очи споглядае быстро, чи не грозитъ ему якое нещастье и пôдскакуючи весело, зривае листки травицѣ на свое снѣданье, въ дали пôдъ горою въ лѣсѣ закула зазуля, а ясное всходячое солнце, почало чимразъ высше пôдноситись освѣчуючи своими золотистими

лучами, весь Божый свѣтъ. Чудный маевый запахъ цвѣтовъ розносился кругомъ съ наполняючемъ здоровымъ повѣтремъ, горы и лѣсы, зеленѣлись чудно навкруги, а широкая рôвнина украшена зеленою травою и рѣжнобарвными цвѣтами пишалась гордо своею красою. Въ дали пôдъ горою простяглась широкая рѣка и пливучи кругомъ, крылась по за горы по котрой плили сплавы (будовляное дерево), а за горою виднѣлось малое мѣсточко Д. съ вежею костела, ратуша, кôлька бôльшихъ домовъ съ побочною палатою дѣдича, рôвножъ съ чотырма фабричными коминами, межи котрыми съ найвысшою катулою стоялъ храмъ Божый (церковъ) неначе покровитель того мѣста. Въ тôмъ мѣсточку былъ, великій отпустъ, въ честь св. великомученика Георгія (Юрія). Нарôдъ святочно одѣтый, зъ всѣхъ сторонъ зъѣзджался у храмъ Божій, подяковати Богу, за здоровье и за отриманѣи добродѣйства и просити о дальшую помочъ до житья о знесенье всякихъ горестей и бѣдъ. Вози украшенѣ въ цвѣти турнотѣли зъѣзджаючи съ горы, конѣ бѣжучи буйно, ржали, а сыдячіи люди, веселіи, съ спокойнымъ и погоднымъ лицемъ, ѣдучи одніи спѣвали побожніи пѣсни, другіи молячись взносились духомъ и мрѣями на святое мѣстце дому Божого. Зъ поза лѣса дался чути, милый спѣвъ пѣсни: „Пречистая Дѣво мати русского краю“, и въ короткôмъ часѣ указалась съ поблизкого села процесія съ отцемъ духовнымъ и множествомъ народа рôжного пола. Все спѣшило въ святое от-

пустовое мѣстце, скрѣпити молитвою душу и смѣло сполучитись пôдъ Христовую хоруговъ, щобы въ часѣ страшного напору врага кристянства, врага души и тѣла, можна съ побѣдою и съ погордою отперти и поконати. Позаду всѣхъ ѣхалъ одинъ зôзъ, на котромъ сыдѣли: мужчина около 30 лѣтъ. тоже еще молодая женщина и трилѣтный русяво-кучерявый мальчикъ, котрый що хвилѣ щебеталъ до матери, неначе соловейко своимъ мылимъ голосочкомъ. Слухай Марто, заговорилъ той чоловѣкъ сидячый на возѣ, кобы намъ Господь Богъ допомôгъ заѣхати щастливо на отпустъ, то сейчасъ дамо на службу Божу и на Акафистъ, за здоровлье моей старой матеры. — Отъ якбы не моя матеръ была лишилась въ дома на господарствѣ, то мы бы вже не могли ѣхати разомъ такъ далеко ажъ пять миль на отпустъ. О мой дорогій Петре, сказала Марта, якіи нашіи мама суть добріи, всего доглядаютъ и зô мною яко невѣсткою, отъ коля я выйшла за Тебе, наветъ злого слова менѣ не сказали. А подивись якъ старая Василиха съ своею невѣсткою робитъ, не дае ей ничь робити, сварится, проклинае, а наветъ вчера побыла ю сыльно горшками якъ варили ôбѣдъ, а нашіи мама суть дуже добрѣи. О Боже Всемогущій, удѣли нашой матери еще долгого вѣку и здоровля. Слухай Петре, заговорила знову Марта, треба у мѣстѣ по скôнченю Богослуженія, где що купити для нашой матери на памятку. А малый кучерявый хлопчина, котрый до того часу

сидѣлъ тихо розглядаючись цѣкаво въ чужихъ сторонахъ зачулъ розговоръ матери съ отцемъ о дарунку для бабцѣ, такожъ собѣ сказалъ: Мамуню прошу Васъ дуже, купѣтъ менѣ великого коника бо я хочу тоже его подаровати для нашой бабцѣ. Якъ приѣдемъ до дому, то я буду бабцю возити на конику. гетъ по подвôрю, по садѣ а наветъ и по улици. На тую смѣшную и не винную розмову мальчика, родичи засмѣялись съ его такъ великоѣ щирости для баби, а Марта поцѣловала въ его русяво-кучерявую головку. Але знаешъ Петре, сказала Марта, тои ночи снился менѣ страшный сонъ, ажъ лячно его споминати. Снилося менѣ що гдесь передъ нашою хатою была великая яма кровы. Я ходыла передъ хатою плачучи, а ти надôйшолши съ села, кинулся съ великимъ крикомъ помежи люды, котрiи попрыходили дивитись, шукалъ ты Богданка, котрого гдесь небыло и въ тôмъ я пробудилась. Но „да будетъ воля Твоя Боже", що маеся стати тося стане бо все есть въ рукахъ Всемогущого Бога, сказалъ Петро, затялши конѣ доѣзджалъ до мѣсточка. На площады коло церквы и въ цѣломъ мѣсточку, былѣ всѣи гостинницѣ, заполненыи фѣрами. Жиди порозкладались съ своими товарами выкрыкалы, граючiи катиринки мѣшались съ лѣрничою музыкою дѣдôвъ и веякого рода зволочи, сыдячой коло входу церквы. До окола церкви сповѣдали священники людый а съ середини храма Господняго доходылъ величный спѣвъ на славу Всевышняго Бога. Петро заѣхалши

въ господу съ Мартою и мальчикомъ Богданкомъ, пробиваючись по межи множество народа спѣшили пôдъ церковъ молитись и дати на службу Божу и на Акафистъ якъ въ дорозѣ прирекли. Малый Богданко бѣгаючи кругомъ по межи народъ, приглядался цѣкаво старцямъ, котріи грали на лирахъ и тѣтучись верталъ до своихъ родичей. Петро и Марта, нипрочуваючи ничъ злого, часто споглядали за малымъ Богданкомъ, щобы не згубился, бо въ такой толпѣ малое дитья може легко пропасти. Съ церкви рознесся сыльный спѣвъ: „Буди Имя Господне благословенно,“ и по хвили народъ почалъ съ церкви выходити съ процесійовъ обходячи до окола церквы. Кождый съ покорою уклякъ, коли оденъ старушокъ Отецъ Крылошанинъ (приѣхалши зъ Львова) въ асистенціи около двайцять священникôвъ, обходилъ съ найсвятѣйшими Тайнами благословячи весь собраный народъ. По сконченю водосвятія, народъ почалъ росходитися где що перекусити, однѣи где що купити, а однѣи готовились сейчасъ до отъѣзду, а Петро и Марта еще долго клячучи пôдъ церквою горячо молились. Въ тôмъ Марта споглянула за Богданкомъ, почала его шукати межи народомъ, але его вже не было. Охъ Боже мôй зарыдала Марта, Петре, мôй соколикъ пропалъ, моя дорогая дитина Богданко. Петро кинулся его шукати. питаючись, чи никто где не бачилъ, и шукаючи съ заложеными руками неначе чрезъ плачъ просилъ о вѣдомость, Богданка одинака—сына. Добріи люди занесли Марту

на возъ, почали ю розговорювати, що може где еще найдеся, але бѣдное материнское сердце якбы ножемъ пробите, немало вже силъ такій тьяжкій ударъ перенести. Петро вернувши неначе на пôлъ зломаный сѣлъ на вôзъ и поѣхали до найблизшого постерунка жандармеріи повѣдомити о страченю сына. — Теперъ вернѣмся любѣи читатели шукати малого Богданка.

2. Богданко у чаровницѣ.

Неспостереженый родичами, малый Богданко прийшолъ до одного дѣда граючого на лѣрѣ, котрому русявый мальчикъ уподобался и за намовою еще двохъ дѣдовъ и старои бабы, приманили малую дытину, цукорками и рѣжними булочками и тая баба взявши малого Богданка за ручку (кажучи ему, що веде его до мами) завела его на дѣдовскую фѣру, давши ему еще ласощôвъ и дѣтьячихъ забавокъ уѣхала скоро съ однымъ дѣдомъ въ чужіи села, на означеное мѣстце, где ю вже всѣ дѣди ожидали. Въ дорозѣ мальчикъ спалъ, но коли пробудился, почалъ плакати за мамою, татомъ а найбôльше за бабою. Дѣди тіи мали свôй скритый сходъ въ одномъ великомъ, густомъ лѣсѣ, въ котромъ въ старой хатинѣ проживала старая горбатая баба, занимаючись ворожбытствомъ и чарами. Споглянувши на такую здобычъ, старая чаровниця ажъ плеснула въ долонѣ. Бо и мала она чого ся радовати. Такихъ мальчиковъ якъ той Богданко вже не зъ однихъ

зробила она интересъ. Съ пôдъ ей проклятыхъ рукъ не одное бѣдное дитья, сталося нещастною калѣкою на цѣлое житья. Тутъ у той хатинѣ робились всякіи неможливіи и страшніи операціи. Укравши якого мальчика она дѣлала его калѣкою: выпекала огнемъ очи, отривала руки, а часомъ и ноги, за що дѣди ей дорого платили, бо взявши съ собою такую калѣку перше поученую всѣхъ дѣдовскихъ параграфовъ и рѣжного рода перекрученыхъ молитвъ на отпустовіи мѣстця, заробляли много грошей бо народъ выдячи такую нещастную калѣку, думаючи що есть вже такою зъ роду, або зъ кары Божой давали много мылостанѣ, за котріи дѣды збивали великіи богатства. Сыдячи всѣи дѣди при вечери радились якого бы съ него зробити калѣку. Одынъ говорилъ выколоти очи, другій знову радылъ пообтинати одную руку и одную ногу, а старая чаровница сыдячи споглядаля на мальчика, котрый споглядаючи своими голубими, невынними оченятами на бабу и дѣдовъ, неначе просылъ о дарованье ему житья. Ахъ бѣдное дитья наветъ не знае якъ за нимъ шукаютъ и слезы проливаютъ его родичи. Чи зобачитъ онъ коли своихъ родичей? Старая баба казала затриматися до другого дня вечера, може она щось мудрѣйшого выдумае на того мальчика. На другій день дѣди порозходились по селахъ за насушнымъ хлѣбомъ и за крадежою, тôлько старая баба осталась доглядати украдженого мальчика. Давши ему снѣданье, взяла его зô собою у лѣсъ щобы собѣ назбирати нового

листья и коренцѣвъ на свои чары. А що малый Богданко былъ смѣливый тожъ уже на другій день почалъ по своему дитиньячому скакати и бавитись. Такъ збыраючи проходомъ зѣлье выйшла она ажъ до головной лѣсовой дороги, котрая провадила до великого мѣста.

3. Богданко графскій сынъ.

Въ тôмъ часѣ переѣзджалъ черезъ той лѣсъ одынъ могучій графъ Макаровскій съ женою. Побачивши такъ хорошого мальчика съ старою бабою въ лѣсѣ, здивованый приказалъ слузѣ стримати быстрѣи конѣ и вставши съ повоза подойшолъ онъ до малого Богданка и погладивши его по русявой кучерявой головцѣ запитался его якъ ся называе.

Въ тôмъ пôдойшла старая баба и перестрашена склонилась низко передъ паномъ. Слухай бабо, сказалъ графъ зъ ôтки ти маешъ того хорошого хлопця и до кого онъ належитъ? Скажи правду, бо сейчасъ прикажу тебе жандармомъ замкнути! Ахъ паночку, почала перестрашена баба по своему оповѣдати, той хлопецъ заблукался до того лѣса и я его вчера тутъ знайшла и припровадила до дому, а чый онъ и съ отки то я не знаю. А якъ ти сяназываешъ? Запиталъ графъ малого Богданка. „Мене мама кликила Богданкомъ, а моя хата тамъ коло старои верби пôдъ потокомъ, где я гонилъ все гуси купати“, защебеталъ мальчикъ такъ мыло, що самая графиня, пôдôйшла подивитись на Богданка. По-

бачивши его и почувши его мылозвучную бесѣду русяво- кучерявого мальчика, заговорила графинья до мужа, щобы онъ забралъ того хлопчика съ собою яко за своего сына, понеже они жадныхъ дѣтей не мали. Графъ Макаровскій охотно згодился на слова жени, далъ бабѣ кôлька золотыхъ за удержанье. Богданка и забралъ его съ собою, Урадованый малый Богданко, подяковалъ своимъ спасителямъ своимъ дитинячимъ розумомъ лишь такъ, що уцѣловалъ ѣхъ руки. Прыѣхалши до мѣста сейчасъ купили дорогую одежъ для Богданка, переодѣли его хорошо и съ нашого Богданка здѣлали якби прав ;ивого сына. По якомусь часѣ взяли для малого Богданка учителя, котрый училъ его всего того, що пристояло знати графскому сыну. Нашъ Богданко счасомъ призвичаился до своихъ прибраныхъ родичей и зпливаючи въ розкошахъ и достаткахъ, позабылъ онъ на своихъ первыхъ родичей о котрыхъ яко дитина дуже мало зналъ.

4. Родичи Богданка.

Петро и Марта съ болемъ сердця доѣзджаючи въ тихую звѣзьдяную нôчь до дому, не прочували еще одного нещастья, котрое ихъ ожидало въ дома. Въѣзджаючи у село все спокойно спало, лишь пугачь заквычалъ на кладбыщи коло церквы, а съ другого конца села дался чути голосъ трубы вартовника. Приѣхалши до дому Петро отчинилъ ворота, а Марта потôмъ зломана съ тьяжкимъ болемъ сердця

пôдойшла до окна кличучи: Мамо, мамо, встаньте,— отчинѣтъ! Но изъ середины не было жаднои ôтповѣды. Надѣйшолъ тоже и Петро и почалъ сыльно кликати и стукати до дверей, щобы мати отчинила, но якъ въ передъ такъ и теперь не получилъ жаднои отповѣды. А блѣдый мѣсяченько станулъ противъ окна и споглядаючи до середины хати, зô страху скоро скрылся за хмары, не могучи дивитись на щось страшного. А для чого не мôгся мѣсяць дивитись до середини? Що тамъ онъ побачилъ? А Петро не получивши снова жаднои отповѣды, розбилъ двери, сталъ на порозѣ якбы врытый и скричалъ: О Боже, мама моя рôдная, мамо, мамо и цѣлый стоячи повалился на землю. Въ тôмъ мѣсяць указался снова и споглянулъ освѣчуючи що? трупа, лежащого въ калюжи невинной крови, въ особѣ старой матери Петра и Марти, котрую чиясь злобна рука въ цѣли грабежи замордувала. Марта наробила крику, а сусѣды пробудженіи думаючи, що може где горитъ, поприбѣгали майже цѣлое село, за хвилю прійшолъ жандаръ, котрый успокоилъ перестрашеныхъ людей середъ тихôй ночи. Петро прійшолши по хвили до притомности, всталъ, взнесъ руки до Бога и промовилъ: осиротилъ Ты мене Боже, пострадалъ я моего одного любячого сына, а такожъ мою дорогую матерь, дозналъ я нынѣ отъ Тебе Боже двѣ тяжкіи раны, але то все есть отъ Тебе мой Сотворителю, „Да будетъ воля Твоя Боже", то сказалши пôйшолъ оглядати господарство. На всходѣ почало вже зорѣти, а марта змучена тою

тьяжкою дорогою и болемъ, якій понесла, уложилась до сна.

Отъ того часу Петро зъ гризоты згорбился и поволи почало сивѣти его волосье и такъ жіючи съ Мартою въ гризотахъ и недостаткахъ ожидали кончины своего житья. Що недѣли давали Петро и Марта на Акафистъ за старую матерь и за Богданка, котрого Марта уважала за умершого. Но Петро не тратилъ надѣи на Бога и всегда просилъ Господа, щобы ему дозволилъ еще въ тôмъ житью побачити сына. Теперь вернѣмся до старои чарôвницѣ. Дѣды вернувши вечеромъ зъ селъ до дому поспитали старой, бабы, где есть малый хлопецъ, котрого они ôтдали ей пôдъ опѣку. Старая чаровница почала оповѣдати, що оденъ панъ ѣдучи лѣсомъ отобралъ его отъ ней и еще грозилъ шандарами але розъяреніи дѣды не вѣруючи старой бабѣ за кару приказали одному ихъ спѣльнику порядно старую вытрепати. Баба зачала проситись и плакати, але тое ничь не помогло и старую порядочно збыли, котрая кричучи зъ болю утекла у лѣсъ и бôльше до нихъ не повернула. Но дѣды добре пôдпитіи горѣлкою еще не успокоились, почали межи собою бытись выкрикуючи дико, що ажъ гомонъ навкруги далеко розносился. Въ тôмъ жандарми переѣзджаючіи дорогою черезъ лѣсъ, зачули отгомонъ крику зъ глубины лѣса, стримались на дорозѣ и пустились въ гущавыну лѣса за проводомъ доходячихъ голосôвъ довѣдатись, кто въ такôмъ великôмъ лѣсѣ еще середъ ночи выкриковуе. Подойшовши ажъ подъ самую хату, стали

ся прислуховати через що тая зволочь бьеся и выкрикае. На серединѣ коло стола сидѣлъ ихъ проводникъ, котрый роздавалъ и дѣлилъ по межи дѣды скраденіи рѣчи, а также припровадили съ собою двое малыхъ скраденыхъ хлопчиковъ и не сподѣючись жадного нещастья, сперечались, кричали, а навѣтъ и бились а тыи хлопчики бо кождый хотѣлъ достати якнайлутшую здобычь. Ажъ теперь жандармы довѣдались, що впали на стопу тихъ, за котрыми шукали вже около двохъ лѣтъ. Чотири жандармы стоячи коло хати, выслухавши ихъ суперечку и розмову уложились такъ щобы имъ ани одинъ не утѣкъ, и съ острыми багнетами увойшли въ середину хаты. На нечайное зъявленіеся жандармовъ, цѣлая тая зволочь якбы скаменѣла. Кождый перестрашеный, ни одинъ не рушился зъ своего мѣстця. Жандармы сейчасъ кождому дѣду поковали руки, а было ихъ шѣснадцятъ, а ихъ провôднику руки и ноги и всѣхъ ôтвезли до недалекого повѣтового мѣста въ арештъ. Тутъ по росправѣ засудили чотирохъ дѣдôвъ на пять лѣтъ, пять дѣдôвъ на шесть лѣтъ, а сѣмохъ дѣдовъ съ ихъ проводникомъ на десятъ лѣтъ тяжкои съ постомъ вязницѣ. Ажъ въ темныхъ мурахъ, за желѣзними гратами скôнчилась злобная робота, жебрацкихъ бандитôвъ.

5. Богданко въ школахъ.

По скôнченю семи лѣтахъ поѣхалъ нашъ Богданко на науку до бôльшого мѣста Л. гдеся такъ пильно

училъ, що его настоятели и професори подивляли. Бо дôсталшись до дому графа Макаровского, научился побожности, любити свою святую вѣру и обрядъ, а также знаючи зъ оповѣдань своихъ прибраныхъ родичей, що онъ есть сыномъ селянскимъ, и желаючи видѣти своихъ правдивыхъ родичей, все що рана и вечеръ молился до Бога за своихъ родичей и добродѣевъ. Прибывши до дому на часъ ферій (вакацій) графъ съ женою тѣшились нимъ лутше якбы своимъ правдивымъ сыномъ. А якъ прійшолъ часъ отѣзду малого Богданка до школъ, то графиня старалась его еще при собѣ съ кôлька дней затримати, щобы налюбоватись тыми кучерями и уцѣловавши его много разôвъ приказала его ажь тогды отвезти до шкôлъ. Нашъ молодый Богданко хотяй отдѣдичивши графскую назву, то не былъ гордымъ. Всѣмъ своимъ товаришамъ приходячимъ до него съ порадою нѣколи не ôтмовилъ, но все, по можности помагалъ, а неразъ дѣлился съ бѣдными селянскими товаришами навѣтъ кусникомъ хлѣба говорячи: я маю досыть, але Ты не маешь, тожь зъѣджъ. Тожъ въ короткомъ часѣ зôсталъ дуже любячій а отъ товаришей много уважаемый. Такъ постепенно минали дни за днями, лѣта за лѣтами и Богданъ Макаровскій зложилъ гимназіяльную матуру яко первый съ отличіемъ. Отъѣзджаючи до графа до дому, пращался онъ съ своими товаришами, котріи за нимъ плакали и цѣлуючись дружно приобѣцяли собѣ незадолго видѣтись на унѣверситетѣ, (т. е. въ школѣ всякого рода найвысшихъ наукъ.

Графъ Макаровскій довѣдалшися ôтъ управителя гимназіи о ôтличнôмъ сложеню Богданомъ матури, урадованый выѣхалъ съ женою на противъ Богдана до желѣзницѣ. На стаціи Богданъ урадованый хотѣлъ упасти до нôгъ своему отцу-добродѣю и зложити подяку, но графъ сейчасъ пôднялши уцѣловалъ его щиро. Потôмъ наступилъ привѣтъ Богдана съ графинею, которое не мало кôнця. По дорозѣ доѣзджаючи до дому, графиня завдавала Богдану, що разъ то новѣи и мило споглядаючи на такъ хорошого двадцятлѣтного молодця пригадала собѣ тое малое трилѣтное дытятко въ лѣсу, которое оповѣдало, що: моя хата, коло вербы, пôдъ потокомъ тамъ, где я гонилъ все гуси купати. А теперь?, теперь стался съ него хорошій мужчина, ученый, умный и посѣдающій доброе спокойное сердце. Одного дня поспиталъ графъ Богдана, чи ôнъ желалбы зѣстатись наслѣдникомъ всего маетку и графского гербу, щобы тôлько заряджовалъ до его кончини житья добрами и на тое далъ ему три дни до намыслу. Але нашъ Богданъ не желалъ тыхъ дôбръ, того достоинства, его духъ и мріи стремѣли до чогось высшого, онъ желалъ ôтдатись тôлько на службу Богу. Боячись прогнѣвати своею ôтповѣдôю на не приставанье его жаданя, Богданъ удался до покоѣвъ графинѣ и просилъ о дарованье ôтмовы, сказалъ, що не желае ихъ дôбръ, тôлько хоче себе посвятити выключно на слубжу Богу. По высказаню своего бажанья упалъ Богданъ до нôгъ графинѣ и началъ ею яко добродѣйку и матерь,

просити, щобы она вставилася за нимъ передъ графомъ и просила его за Богданову невдячну ôтповѣдь прощенья и о дальшую помочь въ науцѣ. Графъ довѣдавшись отъ жены о отмовѣ Богдана, сыдѣлъ долго молчки, чело що хвилѣ протиралъ рукою, думалъ долго и по добрôмъ упливѣ часу закликалъ жену и Богдана и такъ до него сказалъ: Дорогій нашь Богдане якъ тобѣ вже вѣдомо съ нашого оповѣданья съ ôтки мы тебе дôстили, чій ты еси сынъ и що я принялъ тебе до своей родины яко за своего сына А що ты былъ до того часу послушный, богоязливый и трудящій, а що ты помѣряешъ ôтдатись на службу Богу, тожъ я хотьяй вже есьмъ старый и дальше не здужаю заряджовати моими добрами позваляю тобѣ на дальшую науку и буду тобѣ дальше отцемъ якъ до теперь тожь нехай тья Богъ благословитъ. Въ тôй такъ радостнôй хвилѣ Богданъ уклякъ а благословилъ его, котрый подяковалъ щиро своимъ добродѣтелямъ за такъ учинене ему великое до того часу добро.

6. Богданъ въ борбѣ зъ медведемъ.

Въ однôй пôздной осени графъ Макаровскій выдалъ въ своихъ добрахъ ловы (польованье звѣрей), на котріи запросилъ своихъ пріятелей-графôвъ, сусѣдовъ дѣдичей, и кôлька капѣтановъ войсковыхъ, межи котрыми знаходилися цѣлыи родины въ присутствіи дамъ и мальчиковъ. Богданъ будучи вже на третомъ року Богословія, приѣхалъ тоже до дому.

а що былъ призвычаился въ попередныхъ лѣтахъ учащати на ловы, тожъ на жаданье старого графа, прилучился тоже съ другими до ранного отѣзду въ лѣсъ на ловы. Скоро почало зорѣти, нашіи гостѣ были въ дорозѣ, кромѣ старой графинѣ, которая съ причины недуги зôсталась въ дому. Предсказуюча погода додавала кождому ѣздцевы еще бôльшой охоты удатись чимъ скорше на мѣстце до лѣса. Солнце, почало поволи пôдноситись высше, — высше, легонькій вѣтрецъ освѣжувалъ нашихъ ловцѣвъ, гдекотри молодшіи ѣхали верхомъ на коняхъ, а другіи въ повозахъ, ôтдыхаючи свѣжымъ повѣтрьемъ, не моглися налюбоватись въ сторонахъ такъ чудною красою природы. Богданъ ѣдучи верхомъ на червеномъ кони, коло повоза старого графа, велъ розмову съ однимъ графомъ Богословскимъ на французскôмъ язику (нарѣчію), о справахъ полѣтичныхъ, економичныхъ и пр., котрый подивлялъ у Богдана такъ великое знаніе науки и подаючи ему руку приязно заговорилъ: хотѣлбы я добродѣю въ близи Вашой особы всегда находитись, а звернувшись до старого графа Макаровского и сказалъ: Друже заздрощу Тобѣ такого мати сына. Ты щастливъ, бо зможешъ супокойно доживати старости Твоихъ лѣтъ. Такъ розмавляючи заѣхали на лѣсову границю, котрой подѣлившись на части, пустились лѣсными рôжными дорогами. Изъ всѣхъ сторонъ що хвилѣ доходили, то отгомоны стрѣляня, то лѣсовыхъ гостей трубки, котріи давали знати, где кто ся знаходитъ. Богданъ супроводжаючи

старого отца-графа, що хвылѣ стрѣлялъ до сполошеной дичины, которая съ страхомъ перебѣгала лѣсніи полянки и дороги, падала мертвою. Около третой годины съ полудня, роздался сильный голосъ трубы проводника, скликуючи всѣхъ гостей на обѣдъ. Изъ всѣхъ сторонъ дались чути ôтповѣдніи голосы трубъ и не задолго почалися всѣ сходити на обширную лѣсовую полянку, где графъ ожидалъ ихъ съ обѣдомъ. По прибутю гостей показалось, що изъ помежи ловцѣвъ, бракуе однои дамы, осемнадцятъ-лѣтной дочки графа Богословского. Въ тôй хвили кинулись всѣ шукати згубленой дамы. Богданъ тоже сѣлши на своего коня пôгналъ якъ стрѣлою черезъ лѣсовыи дороги. Такъ ѣдучи онъ трубѣлъ, кликалъ, але не малъ жадной отповѣды. Въ тôмъ онъ ѣдучи такъ дальше, почулъ голосъ взываючій на помôчъ и ѣдучи за доходячимъ голосомъ, заѣхалъ ôнъ пôдъ великую скалистую печеру, передъ котрою тая дама увыдѣлши страшного медведя выходячого съ печеры, почала до него стрѣляти и кличучи на помôчъ безсильна повалилась на старое лежащое дерево. Старый медвѣдь, еще бôльше розъяреный тымъ неудачнымъ стрѣляньемъ, поволи выходилъ съ печеры скрегочучи своими острыми зубами на свою здобычь. Богданъ зобачивши такъ немилого гостья, котрый вже заходилъ до своей жертвы, затрубѣлъ сильно на другихъ а самъ кинулся на медведья, стрѣляючи зранилъ его въ части. Дикій звѣрь съ страшнымъ своимъ рикомъ подносячи свои тяжкіи лабы, кинулся на Богдана. „О Боже будь

при менѣ" крикнувши Богданъ кинулся на своего страшного противника и пробиваючи его въ части сердця, обнятый лабами медведя повалився съ нимъ на скалу. Почулши дикій ревъ конаючого медведя, поприбѣгали всѣ, а найперше графъ Богословскій, котрого дочку неушкоджену привели до житья и котрый первый оторвалъ Богдана зъ костей медведья, котрый привалилъ его своимъ тягаромъ на острое скалистое камѣнье. Графъ Богословскій, кинулся на шію Богдана съ слезами въ очахъ дяковалъ ему за уратованье его дочки отъ нехибной смерти. Молодая графиня Стефанія подойшла тоже до Богдана и мило дивлячись на свого спасителя дякуючи ему, подала руку, котрую Богданъ уцѣловалъ. Вернувши на мѣстце обѣда, всѣ съ радостію оповѣдали другимъ геройскій чинъ Богдана, котрый не звертаючи уваги на утрату своего житья, ратовалъ другой особы житья. Старому графови поплили слезы съ радости, що дочекался мати при собѣ, на старіи лѣта, такъ дорогого, прибраного сына, неначе рôдного. Въ кôлька дней пôзнѣйше выѣхалъ Богданъ на дальшую науку. Графъ Богословскій гостившій еще пару дней бôльше у старого прѣятеля-графа приректъ, що по укôнченю студій Богдановыхъ выдастъ за него свою дочку одиначку съ всемъ своимъ богатствомъ.

7. Богданъ священникомъ.

По укончевію четвертого року Богословія, приѣхалъ Богданъ до дому. Старый графъ урадованый

съ повороту Богдана съ укончевыхъ студій, далъ въ честь его обѣдъ, на котрый запросилъ много гостей и всѣхъ тихъ съ попередныхъ о памятковыхъ ловôвъ. Также прибылъ графъ Богословскій съ женою и дочкою, которая побачила Богдана цѣлая румяная якъ рожа, подала Богдану руку. Въ тôмъ графъ Богословскій пôднесъ тоастъ въ честь Богослова Богдана и промовилъ: Отче Богдане, прыймѣтъ отъ мене въ нинѣшнôмъ дни, щирѣ желанія якô въ честь Вашого неутомимого труда и якъ такожъ въ нагороду за уратованье житья моей дочки ôтдаю Вамъ мою одиначку на всегда, яко за жену. Всѣ собраніи гости, почули такую радостную новину, взнесли всѣ тоастъ въ честь графа Богословского, якъ рôвножъ и честь старого господаря графа Макаровского, котріи съ радостію дружно, подали собѣ руки яко въ знакъ згоды. Богданъ выйшовъ на проходъ самъ одинъ и взнесши очи до неба, дяковалъ Всевышнему Сотворителю, за удѣленіи до того часу благодати (ласки), якъ тоже просилъ Бога, щобы позволилъ ему ôтнайти и побачити своихъ правдивыхъ родичей-селянъ, о котрыхъ много разôвъ чулъ съ оповѣданья, прибраного отца-графа. Пôзднѣйше въ мѣсяцъ, на дворѣ старого графа Макаровского, пануе незвычайный рухъ и замѣшь. Кухарѣ скоро пораются коло печей, служба урочисто одѣта въ сальонахъ, накривое столы дорогимъ начиньемъ, огородники вызозятъ квѣти съ испектôвъ и украшаютъ ними всѣ покои палати графа и тоже входы, и всюда пануе

великій рухъ, котрый предсказуе, щось нового, — величного, — щось торжественного. И справдѣ было то великое торжество, властиво вѣнчаніе (слюбъ) отца Богдана съ графинею Стефаніею. Была се недѣля. Неразъ съ приналежныхъ до графа селъ и прочихъ дальшихъ горнулся до графскои церквы, котрымъ старый добрый графъ зôзволилъ подивитись на тое торжество, а въ котрой малъ отбытися вѣнчаніе. Въ дали блискучая ôтъ солнця конская упряжъ вказувала прибутье гостей, которыхъ старый графъ виталъ. Въ тôмъ помежи народомъ дѣлаесь великій заколотъ, бо кождый хоче побачити зближающую графиню Стефанію ѣдучу съ цѣлою своею родиною и дворомъ. Слуги убранѣ въ дорогой ливерии, роблятъ переходъ, а народъ съ ôтслонеными головами ликуе: най жіе графъ Богословскій, най жіе графиня! Многая лѣта. Въ тôмъ прибылъ тоже и епископъ въ присутствіи колькохъ особôбъ духовныхъ, передъ котрого на привѣтъ выйшла процесія съ поблизкихъ селъ, каждая съ своимъ отцемъ духовнымъ и множествомъ народа, котрого въ тріюмфальной (для него сдѣланой) брамѣ привитали оба графи. По короткой промовѣ вступилъ епископъ въ храмъ Божій поклонитись передъ престолъ Всевышняго Бога. Наступила Божественная Литургія при котрой участвовалъ епископъ и около двадцятъ священниковъ, на котрой спѣвалъ хоръ духовныхъ питомцевъ (Богослововъ) приѣхавшихъ съ епископомъ. Народъ бачучи по первый разъ такое торжество и чуючи такой чудесный,

иначе ангельскій спѣвъ съ покорою молился до Бога, за дозволенье, баченья такого, еще небывалого въ тихъ сторонахъ, торжества. По Литургіи наступилъ чинъ вѣнчанія отца Богдана съ Стефаніею епископомъ. Коли хоръ спѣвалъ многолѣтствіе, то старому графу снова съ радости потекли слезы, що дочекался въ своей старости такъ величавого торжества. На обѣдѣ первый епископъ внесъ тоастъ въ честь молодой пары, якъ рôвножъ и старыхъ графôвъ. А народъ бывшій на тôмъ торжествѣ, приказалъ старый графъ всѣхъ угостити, котріи позднѣйше оповѣдали одніи другимъ, своимъ дѣтьямъ и внукамъ о тôмъ великôмъ и мовнôмъ торжествѣ. Въ кôлька тиждневъ пôзднѣйше дôйшолъ о. Богданъ рукоположенъ (высвященъ) где позôсталъ на приходствѣ въ добрахъ своего отца-графа. Що денно отправлялъ службу Божу за здоровлье графа а рôвножъ и за своихъ родичей о котрыхъ до сего часу не зналъ.

8. Убѣйця о. Богдана бабы.

Одного дня завозвано о. Богдана до умираючого подорожного старця, котрый зайшовши въ тое село позôбытій всѣхъ сылъ умираючи упалъ на подворье одного селянина просячи припровадити скоро священника. Отецъ Богданъ прійшовши скоро почалъ того старця сповѣдати: По долгой сповѣди сказалъ той старецъ припровадити людей и почалъ такъ оповѣдати: передъ двайцятъ-чотирма роками не малъ я охоти до працѣ, тожъ коли я былъ еще молодый

взялъ я торбы на плечи и палицю и удаючи калѣку ходилъ ôтъ села до села просячи милостинѣ. Такъ ходячи по селахъ, пôзналъ я ся съ другими еще молодими неробами-дѣдами и волоцюгами, съ котрими почалъ я ходити красти. Що ся удало, то мы украли, и якъ насъ где зловили, то мы старались выкрутитися, але за то тому, що насъ выдалъ, мы неодинъ разъ пустили его маетокъ съ дымомъ. Обѣкралисмо пять церквей, мы грѣшми подѣлилися, а рѣчи то однiи продали, а однiи спалили. Черезъ насъ зôстались бѣднiи скрадевѣ дѣти около трiйцятъ калѣками, котримъ за помочiю однои старои чаровницѣ выколювано очи, обтинано руки и ноги завдаючи еще больше мукъ. Тутъ старецъ закашлялся, а слухаючимъ людямъ ажъ морозъ перейшолъ черезъ шкôру, дивлячись кого маютъ передъ собою въ особѣ старця. По хвили сталъ дальше той старецъ оповѣдати: я сповѣдался со всѣхъ моихъ грѣхôвъ, но одинъ я затаилъ ажъ до теперь, бо видячи вже мою близкую кончину житья, я вызнаюсь всѣхъ моихъ грѣхôвъ и прошу Васъ молѣтся Вы отче духовный и вы добрiи люды, щобы менѣ Богъ простилъ всѣ мои грѣхи. Коли одного разу былъ въ однôмъ малôмъ мѣсточку Д. великiй отпустъ, а всѣ люди, ѣдучи рôкъ, рôчно на отпустъ оставляючи въ дома або малiи дѣти, або старшiи особы то мы тогда найбôльше крали щося удало; И тамъ въ однôмъ селѣ недалеко отъ того отпустового мѣста, закрались мы до одного заможного господаря, которiй выѣхалши съ женою и малымъ

мальчикомъ на отпустъ, позôставилъ на господарствѣ старую бабу. А що я былъ проводиремъ тои дѣдовской зволочи и я всегда мусѣлъ первій ити, тожь тутъ тоже я пôйшолъ проситися на ночлегъ, а мои товариши-дѣды, ожидали въ огородахъ тôлько на мой знакъ, щобы ити красти. Старая баба была доброго сердця, бо побачилши передъ собою старого калѣку-старця, приняла мене на ночлегъ и далши менѣ еще добре повечеряти положилась спати. Але я не спалъ. Удаючи спячого я думалъ якбы то сдѣлати, щобы безъ крику и бѣды можна обѣкрасти, бо якбы починалъ я теперь красти, а старая дуже чуйно спяча моглабы сейчасъ наробити крику и побудивши слугъ и сусѣдъ моглибы мене еще зловити и до Ивановой хати всадити. Овъ зле, я думаю, думаю, ажъ прійшла менѣ на голову страшная думка, учинити убѣйство на старой бабѣ. Я не знаю що дѣлати, но чортъ все що хвилѣ до мене пôдшептуе: ты есы дурный, старую бабу замордуй то будешъ мати гроши. И я незважаючи на ничь вcâталши тихо съ пôдъ порога, где я спалъ и вынимаючи великій острый нôжъ, кинулся якъ дикій зьвѣрь на старушку и убилъ ею на мѣстци. А капля крови невинной жертвы бризнула на мое лице, котрую не мôгъ я змити и котрую яко за кару отъ Бога ношу еще до того часу. То былъ мой первый и остальный злобній учинокъ, котрого я съ боязни передъ карою, прыcповѣди не вызналъ. Тутъ старецъ снова затяглся кашлемъ и обтерши очи, заляніи слезами говорилъ.

дальше: того самого дня выбралимся на отпустъ, щобы тамъ украсти якую малую дитину. И вправдѣ укралъ я одного трилѣтного хлопчика, котрый слухаючи лѣрничои музики ôтойшолъ отъ своихъ родителей. Але зъ него не малъ жадной потѣхи, бо выйшовши на другій день на грабежи, зôставили мы его съ нашаю старою чаровницею, которая выйшолши въ лѣсъ збирати зѣля на свои чары, взяла съ собою того хлопця. На щастье того хлопчика надъѣхалъ одинъ могучій графъ, который настрашилши старую бабу жандарами, взялъ малого хлопця съ собою, котрого мы бôльше вже не бачили.

Отецъ Богданъ слухаючи все ôтъ початку, довѣдался що сей старецъ убилъ его бабку и тоже его самого укралъ на тôмъ отпустѣ. Другой ночи, почалъ старецъ дуже тихимъ голосомъ оповѣдати, мы сварились съ собою где подѣла хлопця и збивши порядно за кару утекла, а мы почались межи собою сварытись и бытися о скрадениî и о добре не подѣлены рѣчи. Въ тôмъ ненадѣйно обступили насъ жандарми и поковавши насъ шеснадцятъ дѣдовъ руки, а менѣ руки и ноги, отвезли насъ до суду, где насъ засудили, чотирохъ на пять лѣтъ, пять дѣдôвъ на шесть лѣтъ и сѣмохъ межи котрыми былъ и я, на десятъ лѣтъ тяжкои вязницѣ съ строгимъ постомъ. Я высидѣлши тыхъ десятъ лѣтъ въ вязницѣ, выпущеный на свободу (волю), не могъ вже ничь робыти, бо всю мою силу полишилъ въ мурахъ вязницѣ, тожъ выбрался я теперь на правду за насущнимъ

хлѣбомъ, по вязници вже чотирнадцядъ лѣтъ зайшолъ я въ тое село, съ котрого здается вже дальше не пôйду. Тожъ помолѣтся Вы Отче духовный и вы добріи люди, щобы Богъ даровалъ менѣ, мои такъ тьяжкіи грѣхи. — То сказалши старецъ звернулъ голову на бôкъ и ôтдалъ Богу душу. Отецъ Богданъ вернулши до дому оповѣлъ старому графу-отцевы цѣлое оповѣданье, подорожного старця, приказалъ о. Богданъ выдати дерево и гроши на погребленіе котрого самъ похоронилъ.

9. О. Богданъ съ своими родичами.

Теперь дорогіи читатели вернѣмся по такъ долгихъ лѣтахъ подивитись въ свѣтъ чи живутъ о. Богдана бѣдніи нещастливіи родичи. Але Всевышній Сотворитель кого засмутилъ, того снова и потѣшилъ. Старушокъ Петро крѣпленый на духу, уповаючій на Бога еще жилъ, якъ рôвножъ жила тоже старая Марта, которая зъ гризоти и болю, згорблена дожидала кончины своего такъ тьяжкого житья. Рôкъ рôчно ôтъ той сумной а такъ незабутной хвили, по страченю сына и по тôмъ страшнôмъ убѣйствѣ матери, Петро съ Мартою удавались до того отпустового мѣстця, щобы тамъ передъ чудесною иконою (образомъ) Спасителя, выляти всѣ свои муки и терпѣнія и просити Всевышняго Бога о дальшую помочь знесенья нуждъ и терпѣній. Постарѣлись были они дуже бѣдными, бо немаючи вже силы робити, мешкали въ старой низенькой хатинѣ, котрои оконця

запались глубоко у землю. Навѣщували ихъ часто добріи сусѣды, котріи всегда ихъ чимъ спомагали, бо приходили такіи дни, що не мали навѣть кусокъ чорного хлѣба. Но Петро сильный вѣрою на Божую помôчь не упадалъ на духу. Скоро якось великая, туга была на сердци Марти, то сейчасъ Петро съ похиленою головою покôрно говорилъ: Марто, Марто не смутись, тое все ôтъ Бога! Богъ далъ, Богъ взялъ, нехай буде Богу честь и слава за тое и ôтвернулшись пôднесъ очи до неба: молячись Боже прости менѣ грѣшному. „Да будетъ воля Твоя Боже"! Марто, сказалъ по хвили Петро, завтра вже буде двайцятъ пять лѣтъ, якъ мы пострадали нашого дорогого сына Богдана, которій здаесь вже на тôмъ свѣтѣ, бо якбы жилъ тобы дался хотяй о собѣ чути. А може онъ есть где въ чужихъ краяхъ, но то мы не знаемъ. Сусѣдъ Данило менѣ говорилъ, що якъ мы award сможемъ, то онъ возьме съ собою на своемъ возѣ на отпустъ до мѣсточка Д. Скажи, чи Ты зможешь поѣхати, бо мене такъ щось тамъ тьягне, до того отпустового мѣстця, що якбы я мôгъ, тобы я взлетѣлъ на крилахъ, якъ пташина. Отъ поѣдемо до Божого дому, та помолимся, доколь еще живемъ за усопшыи души Богдана и нашой матери. На другій день раненько поѣхали Петро съ Мартою и съ сусѣдомъ на отпустъ. Народу было такъ много, що однiи другихъ притискали и дусили. Въ тôмъ надѣхалъ самъ епископъ съ молоденькимъ священникомъ и съ якимись другими богатыми панами. Былъ то

вже любѣ читатели намъ знаній епископъ съ молодымъ отцемъ Богданомъ и оба графи съ родиною. Народъ выйшолъ съ хоругвами (процесіовъ и съ священниками противъ епископа, котрій ненадѣйно загостилъ первій разъ (бывшій съ инной діецезыи) на отпустовое мѣстце. Епископъ провадженый до церквы при котрôмъ неôтлучно ишолъ о. Богданъ, благословилъ народъ. Старый Петро побачивши молодого отца Богдана заговорилъ до Марти: о якій той молодый священникъ хорошій, менѣ ôнъ щось выдаесь быти знакомимъ, гдесь я тую особу вже бачилъ. Бѣдный старушокъ навѣть не прочувалъ, що то есть его рôдная дитина, той колишный малый русяво-кучерявый Богданко, котрого трилѣдняго згубили тутъ на тôмъ Божомъ мѣстци. До окола церквы сповѣдалось много людей, кождый горнулся очистити свою душу ôтъ грѣха и примиритись съ Богомъ. Старушокъ Петро нездужаючій перепхатись до священника, а хотячи тоже высповѣдатись чекалъ ничь не ѣвши до конца Богослуженія. Въ тôмъ прямо якбы Богомъ пôсланый выйшолъ Отецъ Богданъ сповѣдати и прійшолъ ажъ недалеко старенького Петра, котрій почалъ проситись о сповѣдь. Народъ стиснулся до о. Богдана, желаючи тоже сповѣды такъ сильно, що мало старенького Петра не удусилъ. Но отецъ Богданъ казалъ припровадити того старушка близше и почалъ его сповѣдати. Въ святой сповѣды старушокъ Петро оповѣлъ отцу Богдану всю свою жизнь, ôтъ самого початку, по котрôй о. Богданъ порôвналши

съ оповѣданьемъ умираючого дѣда дôзнался, що въ тôмъ сивенькôмъ старушку пôзналъ и ôтнайшолъ своего правдивого дорогого отца. По скончевію сповѣды о. Богданъ кинулся на шию старушку Петрови говорячи дорогій мой отче, то я Вашъ утраченый а рôдный сынъ Богданъ, который якъ разъ тутъ на тôмъ Божомъ мѣстци былъ я загубился. Старушокъ Петро учувши тіи слова, упалъ на колѣна и щиро молился Всевышнему Богу, за такъ дôзнану въ старôмъ житью радость, а слезы радости, що хвылѣ спливали по старôмъ зморщенôмъ лици. Народъ видячи тую радостную стрѣчу отца-старушка съ уважанимъ за умершого сыномъ-священникомъ, немôгъ прійти съ диву, що Всемогущій Богъ позволилъ тому старушку дождатись радостной хвылѣ. А чи живутъ еще мои дорогіи мама? поспиталъ о. Богданъ поднесши старого отца. Въ тôмъ приступила старая Марта, которая не была присутна при встрѣчѣ Петра съ сыномъ, тожъ побачивши Петра говорячого съ священникомъ приступила хотячи уцѣловато (по звычаю селянъ) О. Богдана въ руку, но въ той хвили О. Богданъ кинулся на шию своей матери и цѣлуючи руки сказалъ: Дорогіи мамуню, то я Вашъ сынъ Богданъ. По такъ радостной и не сподѣваной встрѣчѣ о. Богданъ повелъ своихъ родичей и представилъ епископу и своимъ прибранымъ родичамъ, которіи прывитали ихъ съ радостію. Повернулши о. Богданъ съ родиною и родичами до своихъ дôбръ, старый графъ прибраный отецъ, далъ величный обѣдъ, на

которôмъ были прысутніи давнія гостѣ якъ тоже много высшой духовной власти. Но о. Богданъ не повстидался своими родичами-селянами въ полотнянкахъ, хотьяй одѣдичилши весь маетокъ старого графа якъ тоже много за женою Стефаніею яко графъ не погордилъ своими родичами, но указалъ имъ первое мѣстце при обѣдѣ и самъ пôдчасъ обѣду родичамъ услуговалъ, на котрôмъ старушокъ Петро оповѣдалъ всѣмъ присутнымъ цѣлую історію о утраченю сына и матеры одного дня. Отецъ Богданъ забралъ родичей до себе, где они доживаючи тихихъ, щастливыхъ дней прославляючи Бога, бавили внуку, котрую Богъ пôслалъ женѣ о. Богдана графинѣ Стефаніи. Старушокъ Петро, що хвылѣ прословлялъ Всевышняго Бога съ словами: „Да будетъ воля Твоя Боже".

10. О. Богданъ на могилѣ бабы.

Незадолго поѣхалъ о. Богданъ съ родичами подивитись на тую старенькую хатину, где прійшолъ на свѣтъ, на тую вербу пôдъ потокомъ где будучи мальчикомъ (оповѣдаючи графу-отцевы) гонилъ въ той потѣкъ гуси купати, а тоже пôйшолъ на могилу бабы помолитись где оповѣлъ родичамъ, кто убилъ бабу той самый жебракъ, который его укралъ. Спровадилъ дорогій мармуровый памятникъ на грôбъ бабы, пры которомъ при участіи сусѣдныхъ-пароховъ отправилъ на могилѣ парастасъ. Тоже свою родину подѣлилъ щедрыми запомогами изъ своихъ дôбръ а на томъ отпустовомъ мѣстци, коло церквы, где былъ скраденый и где найшолъ своихъ родичей побудовалъ величавую каплицю въ честь святои Тройцы и по словахъ его старушка отца Петра, казалъ пры входѣ

до каплицѣ на марморовой плитѣ, золотыми буквами написати слова: „Да будетъ воля Твоя Боже“. Въ коротенькомъ часѣ о. Богданъ состалъ именованъ крилошанивомъ и пôзднѣйше въ тры мѣсяци похоронилъ старого графа-отца якъ такожъ въ кôлька день и свою рôдную матерь Марту. Только старенькій отецъ Петро зъ доброты Всевышняго Бога, на котрого цѣлое свое житье покладалъ надѣю, доживалъ долгій и пры сынѣ спокойной старости, бо числячи около осемдесятъ лѣтъ, чулся еще крѣпкимъ и здоровымъ, на превеликую радость сына о. Богдана. Старушокъ въ добрыхъ достаткахъ неначе отмолоднѣлъ и всегда словячи Бога бавился съ своими внуками, котрыхъ много надѣлилъ Богъ женѣ о. Богдана графинѣ Стефаніи. Отецъ Богданъ всегда въ щоденныхъ молитвахъ и пѣсняхъ, прославлялъ Сотворителя за такъ удѣленіи ему отъ дитинства добродѣйства и проживаючи супокойно-дождался радости изъ своихъ дѣтей, маючи тры дочки и тры сыни, котріи хотяй бувши въ великихъ достаткахъ, по выхованіи въ страху Божомъ, по примѣру отца своего посвятились на службу Богу. Старушокъ отецъ Петро съ доброты Всевышняго Бога дочекался еще бачити своихъ правнуковъ, котрыхъ умираючи 99. року житья, своею рукою благословилъ.

Отецъ Богданъ съ великимъ болемъ сердця роспращался съ своимъ роднымъ дорогимъ отцемъ Петромъ на вѣки, который умираючи просилъ своего сына Отца Богдана написати нимъ выреченѣ слова

„Уповай на Бога въ дняхъ житья Твого
Отримаешъ Божихъ благодатъ много
Будь готовъ за Бога, на смерть и науки
Котрый былъ и буде, всегда и во вѣки“.

Писано у Вѣдни 10. VII. 1911.

Георгій Яковычь Цукорникъ.

ТÔЛЬКО
въ печатнѣ М. Бѣлоуса

въ Коломыѣ
вс́егда можна получити
от̆ъ 1 кр. ажъ до 1 злр.
найкрасшй
найтаньшй
и найвеселѣйшй

КНИЖОЧКИ

для забавы, розвеселенія, спѣву, науки, лѣченя и молитвы.

Новый списъ книжочокъ дôстае кождый
ДАРОМЪ.

